ИММАНУИЛЪ КАНТЪ.

РЕЛИГІЯ

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ

ТОЛЬКО РАЗУМА.

Переводъ съ нѣмецкаго

Н. М. Соколова.

Ц. 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. И. ЯКОВЕНКО.
1908.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Когда въ 1788 появилась «Критика практическаго разума», въ которой Кантъ въ первый разъ далъ полное и законченное опредѣленіе основоположеніямъ моральнаго образа мысли и моральнаго образа жизни,— его современниковъ прежде всего поразила «чистота, строгость и возвышенность новаго принципа, возвѣщеннаго имъ».

Карлъ Форлендеръ, знатокъ кантовскаго текста и кантовской философіи, приводитъ много очень убѣдительныхъ примѣровъ того, что этотъ «новый принципъ», при первомъ своемъ появленіи, произвелъ поразительное, безпримѣрное впечатлѣніе на многихъ выдающихся людей того времени, которые увидѣли въ формулахъ, опредѣленіяхъ и основоположеніяхъ Канта новый свѣтъ надъ областью морали.

Рейнгольдъ, зять Виланда, провозвѣстникъ кантовской философіи въ Іенскомъ университетѣ, въ письмѣ къ Канту выражалъ свое удовольствіе, что, въ своихъ «Письмахъ» объ его философіи, онъ «до сихъ поръ не касался опредѣленія *моральной основы познанія* основныхъ истинъ религіи». «Я засвѣтилъ-бы маленькую лампочку тамъ, гдѣ вы «Критикой практическаго разума» зажгли солнце».

«Да благословитъ Васъ Богъ,—писалъ Юнгъ Штиллингъ.—Вы великое, очень великое орудіе въ Его рукахъ! Я не льщу Вамъ,—Ваша философія произведетъ болѣе благодѣтельную и болѣе всеобщую революцію, чѣмъ реформація Лютера. Какъ только вполнѣ поймутъ «Критику практическаго разума», то увидятъ, что никакое опроверженіе ея невозможно. Слѣдовательно, Ваша философія должна быть вѣчной и неизмѣнной. Ея благодѣтельное вліяніе поведетъ религію къ первоначальной истинѣ, гдѣ цѣлью была-бы одна только святость».

Взгляды, установленные и изложенные въ «Критикѣ практическаго разума», легли въ основу «Религіи въ предѣлахъ только разума», гдѣ и получили дальнѣйшее развитіе. «Чистота, строгость и возвышенность» новаго принципа здѣсь доведены до высшей степени своего воплощенія и непреклонный аскетизмъ моральнаго совершенства высоко поднимается надъ уровнемъ обычной—житейской и мнимонаучной морали. Многіе изъ современниковъ привѣтствовали и эту книгу съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и «Критику практическаго разума». Были люди, которые видѣли въ Кантѣ «философа протестантизма», хотя многія ученія протестантизма подвергаются въ его трудахъ рѣзкой критикѣ. Но, какъ нельзя отрицать исключительной «возвышенности» нравственнаго міровоззрѣнія Канта, такъ нельзя отрицать логической стройности и законченности его доктрины и неотразимой убѣдительности ея главныхъ основоположеній.

Правда, въ книгѣ Канта мы напрасно стали-бы искать положительной системы религіознаго, а поэтому и общественнаго строя человѣческой жизни. «Царство нравственности», какимъ оно было въ «Критикѣ практическаго разума», здѣсь становится «царствомъ Божіимъ» и здѣсь подробно отмѣчены всѣ условія, при которыхъ могла-бы состояться такая перемѣна на почвѣ чистой морали. Но гдѣ тѣ цѣли, къ которымъ поведетъ это новое царство? Доброе начало одолѣетъ злое и на землѣ наступитъ царство истины, справедливости и мира? Это—великая цѣль и достиженіе ея было-бы великою наградою дружнымъ усиліямъ добрыхъ людей, объединенныхъ свободнымъ и разумнымъ служеніемъ долгу и справедливости. Этого вполнѣ довольно для самыхъ высокихъ и чистыхъ стремленій человѣческой морали и это воистину великое «царствіе Божіе». Но—Кантъ вполнѣ вѣрно отмѣтилъ неистребимую потребность человѣческаго духа: всегда и во всемъ искать чувственнаго воплощенія, образовъ, символовъ, и тѣхъ опредѣленныхъ очертаній, которыя только и порабощаютъ воображеніе людей и болѣе, чѣмъ что-либо другое, побуждаютъ къ постояннымъ усиліямъ и великимъ подвигамъ.

Кантъ далъ все, что хотѣлъ дать, и это было дѣйствительно самое высокое и святое, что только возможно для человѣка, возвышающагося надъ чув-

ственными побужденіями и склонностями. Но эти потребности и склонности, признавая всю правду новаго строгаго и аскетическаго принципа, не хотятъ и не могутъ отказаться отъ своихъ правъ и даже въ «царствѣ нравственности» ждутъ и ищутъ своихъ дорогъ и своихъ обычныхъ цѣлей.

Здѣсь нѣтъ тѣхъ идеаловъ, которыми живетъ «личное счастье», хотя Кантъ и не обѣщалъ ихъ и вполнѣ опредѣленно признавалъ ихъ случайность, разрозненность и произвольность. Онъ говоритъ отъ разума только къ разуму и воображеніе не видитъ для себя возможности примѣненія новой правды въ новой жизни.

Вотъ что, при всемъ энтузіазмѣ многихъ, можетъ быть, мѣшало широкому распространенію конечныхъ обобщеній въ кантовской постановкѣ дѣла. Общія цѣли скрывались далеко, въ холодныхъ идеалахъ отвлеченнаго раціонализма, и личное счастье не находило для себя удовлетворенія.

Но, если въ «Критикѣ практическаго разума» съ поразительной доказательностью отвергнуты всѣ другіе принципы личной морали, кромѣ моральнаго закона, то въ «Религіи въ предѣлахъ только разума» такъ-же отвергнуты всѣ другіе принципы морали общественной, когда мечты и иллюзіи создаютъ, какъ нравственную правду, то, что на самомъ дѣлѣ несовмѣстимо съ справедливостью и съ строгою критикою разума. Здѣсь Кантъ далъ примѣры и выводы, которые должны произвести неотразимое впечатлѣніе на каждое неомраченное сознаніе и которые неопровержимо свидѣтельствуютъ о «чистотѣ, строгости и возвышенности новаго принципа, возвѣщеннаго имъ».

Почему же взгляды Канта на мораль и религію не такъ популярны и общеизвѣстны, какъ взгляды многихъ другихъ мыслителей и философовъ,—взгляды, которые поставлены съ меньшею обоснованностью и доказательностью?

Кто ознакомится съ содержаніемъ книгъ Канта, посвященныхъ этимъ вопросамъ, тотъ, конечно, легко найдетъ и отвѣтъ на это,—хотя бы даже и въ томъ, что въ его ученіи слишкомъ много «чистоты, строгости и возвышенности»,—въ томъ, что онъ слишкомъ рѣзко отличалъ злое отъ добраго и не видѣлъ возможности ихъ примиренія. Критикъ и раціона-

листъ по собственному признанію, онъ сталъ поперегъ дороги для многихъ новыхъ формъ критики и раціонализма въ ихъ позднѣйшихъ проявленіяхъ.

Но, можетъ быть, взгляды Канта на вопросы морали не получили широкаго распространенія отчасти и потому, что его своеобразная терминологія не стала общедоступною, что его отвлеченный и мало понятный для большинства языкъ слишкомъ затруднялъ пониманіе его основоположеній для огромнаго большинства даже наиболѣе образованнаго общества. Такіе упреки дѣлали Канту даже нѣмцы, даже его современники при его жизни. Кантъ отвѣчалъ на это, что все, что онъ говоритъ по вопросамъ нравственности, просто и понятно каждому человѣку, даже ребенку, и если своимъ основоположеніямъ онъ придаетъ обычную форму школьной терминологіи, то только для того, чтобы не возбудить ненужныхъ недоразумѣній и успѣть окончить при жизни то сложное и великое дѣло, которое онъ взялъ на себя, чтобы опредѣлить сущность и границы разума и предѣлы возможнаго человѣческаго познанія.

И, кто внимательно прочитаетъ эти труды Канта, тотъ увидитъ, что, говоря это, Кантъ былъ правъ. То, что онъ говоритъ, просто и ясно, но его изложеніе для большинства кажется слишкомъ отвлеченнымъ и малодоступнымъ.

Поэтому, для распространенія дѣйствительно возвышенныхъ и глубоко обоснованныхъ моральныхъ выводовъ Канта, необходимо принять всѣ средства, которыя дѣлаютъ его болѣе доступнымъ для общаго пониманія и устраняютъ затрудненія въ истолкованіи его своеобразной и слишкомъ утонченной терминологіи.

Переводъ этой книги Канта сдѣланъ нами съ третьяго нѣмецкаго изданія, редактированнаго Карломъ Форлендеромъ, которому принадлежитъ и обширное «Введеніе» къ «Религіи въ предѣлахъ только разума», гдѣ онъ излагаетъ исторію ея возникновенія, отношеніе къ ней ея современниковъ и мыслителей слѣдующихъ поколѣній и «Содержаніе» всего этого произведенія. По нашему мнѣнію, это «Введеніе» очень помогаетъ пониманію книги Канта, — особенно тѣ главы, которыя посвящены изложенію ея содержанія, сдѣланному языкомъ болѣе простымъ и

общедоступнымъ. Это «Введеніе» мы нашли нужнымъ предпослать и нашему переводу. Изъ статьи Форлендера мы выпустили лишь то, что можетъ имѣть значеніе только для нѣмецкаго общества, поправки текста и т. п.

Въ концѣ книги мы привели нѣсколько замѣчаній о терминологіи Канта—съ одной стороны, чтобы объяснить ея преемственную связь съ «Критикой практическаго разума», а съ другой, чтобы отмѣтить нѣкоторые своеобразные оттѣнки въ опредѣленіи тѣхъ терминовъ, которыми въ настоящее время пользуются не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ ими пользовался Кантъ.

30 авг., 1908.